

самих членов городского управления, завладевала ратушей и назначала путем народного избрания новое городское управление, не обращая внимания ни на требования закона, ни на «законные» права прежнего городского совета, ни на то, что должности «советников» были куплены.

Таким образом произошло во Франции движение, имевшее глубокое революционное значение, тем более что города не только утверждали на деле свою городскую независимость (автономию), но и заявляли вместе с тем о своем решении принимать деятельное участие в общем управлении страной. Как очень верно замечает Олар¹, это было в высшей степени важное общинное (коммуналистическое) движение, в котором провинция следовала примеру Парижа, где, как мы видели, население организовало 13 июля городскую управу - свою коммуну.

Само собой, это движение не было повсеместным. Оно проявилось более или менее ярко в некоторых крупных и мелких городах, преимущественно в восточной Франции. Но повсюду муниципалитетам старого порядка пришлось подчиниться воле народа или по крайней мере - местных собраний избирателей. Так произошла, *прежде всего в самой жизни*, в июле и августе 1789 г. та городская революция, которую Учредительное собрание утвердило законами о городском управлении 14 декабря 1789 и 21 июня 1790 г.

Легко понять, какую могучую силу и жизненность внесло это движение в революцию. Вся сила революции сосредоточилась, как мы увидим, когда дойдем до 1792 и 1793 гг., в городских и деревенских муниципальных учреждениях, для которых примером и образцом послужила революционная коммуна Парижа.

Сигнал этого переустройства был подан, как уже сказано выше, Парижем. Не дожидаясь закона о городском самоуправлении, который когда-нибудь проведет Учредительное собрание, Париж начал с того, что сам создал у себя коммуну. Он назначил свой городской совет, своего мэра - Байи и своего командующего национальной гвардией - генерала Лафайета, отличившегося в Америке во время войны Соединенных Штатов за независимость. Что важнее всего, Париж организовал свои 60 «округов» - «60 республик», как удачно выразился один современник, Монжуа. Эти «округа» хотя и облекли властью собрание представителей всего города Парижа, но значительную власть удержали за собой. «Власть рассеяна повсюду, - говорил Байи, - а в центре ее нет». «Каждый округ представлял независимую власть», - с грустью говорят по сию пору сторонники казарменной дисциплины, не понимающие, что только так и происходят революции.

В самом деле, когда смогло бы Учредительное собрание при постоянной опасности роспуска королем и при громадном количестве предстоявших ему дел приступить к обсуждению закона о преобразовании суда? Оно едва дошло до него 10 месяцев после взятия Бастилии. Между тем уже 18 июля один из округов Парижа, *Petits Augustins*, «решает сам установить мировых судей», пишет Байи в своих мемуарах. И этот округ тотчас же приступает к выбору судей всеобщей подачей голосов. Другие округа и целые города (Страсбург и др.) делают то же самое; и когда в ночь 4 августа феодальным владельцам приходится отказаться от своих судебных прав, во многих городах это уже сделано; новые судьи уже избраны народом, и Учредительному собранию остается только занести впоследствии в конституцию 1791 г. совершившийся факт².

Тэн и другие почитатели административного порядка сонных министерств, конечно, с неудовольствием отмечают, что «округа» Парижа опередили Национальное собрание и своими решениями показали ему, чего хочет народ; но именно так и развиваются человеческие учреждения, когда они - не продукт бюрократии. Так построились все большие города, так строятся они и до сих пор. Вот группа домов и несколько лавок - это будет со временем важный пункт зарождающегося города; вот едва обозначающаяся дорога - это будет одна из главных улиц. Таков анархический путь развития, единственный, который мы видим в свободной природе. То же происходит и с учреждениями, когда они органически развиваются в жизни; поэтому-то революции и имеют такое громадное значение в жизни обществ, что они дают людям *возможность заняться органической созидательной работой* без вмешательства в их дело стеснительной власти, всегда неизбежно являющейся представительницей прошлых веков и прошлого гнета.

¹ *Aulard A. Histoire politique de la Revolution Francaise 2^e ed. Paris, 1903 (Олар А. Политическая история Французской революции М., 1902).*

² Национальное собрание называлось также Учредительным собранием.